

НОРМАН СКАЙ

ТЕ, КОГО ТЫ СПАС



Норман Скай

Те, кого ты спас

<https://litres.ru/74652438>

SelfPub; 2026

Аннотация

До катастрофы Хэм должен был признать свою ложь. Он подписал свидетельство, которое защищало мастерскую друга и перекладывало вину на пострадавшего коллегу. Теперь тому нужна правда, а Хэм всё ещё пытается заменить её помощью.

После необъяснимой вспышки Колдер-Бенд превращается в город разрушенных домов и перекрытых улиц. Монтажник Хэм обнаруживает способность: принять жар или короткий удар одной ладонью и передать его через другую в кирпич, бетон или металл.

Материал трескается. Руки дрожат. Каждое удачное спасение делает Хэма нужнее — и мешает вовремя остановиться. Рядом с ним друг Дэн, водительница Джесс и электромеханик Оуэн. Чтобы вывести людей, им придётся договориться о допустимом риске. А Хэму — учитывать тех, кого он не видит по другую сторону стены.

«Те, кого ты спас» — фантастический триллер о дружбе, доверии и цене помощи.

Содержание

01. Излом	4
02. На нём ничего не осталось	16
03. Последний адрес	28
04. Последний рейс Джесс	39
05. Две ладони	50
0	62
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Те, кого ты спас

01. Излом

Фрэнк открыл дверь, держась за ручку с внутренней стороны, и я сразу увидел, что её надо подтянуть. Верхний шуруп почти вышел из дерева. Можно было управиться за минуту — я ещё не сказал ни слова, а уже нашёл себе занятие.

— Привет. У тебя отвёртка есть?

Он посмотрел на мою руку, потом мне в лицо.

— Ручка работает.

— Пока.

— Заходи, Хэм.

В прихожей пахло кофе и нагретой резиной. Под лестницей стоял велотренажёр, тот самый, который мы привезли в мае; теперь на его руле сохло полотенце. Я решил, что это хороший признак. Фрэнк сделал три шага до кухни, чуть отставляя левую ногу, и моя радость оказалась преждевременной. Он заметил, куда я смотрю.

— Садись, — сказал он. — Если пришёл сидеть.

Я снял куртку и повесил её на спинку стула. Складной конверт во внутреннем кармане упёрся в поясницу. Наличные я снял по дороге: вышло чуть меньше, чем собирался, потому что банкомат на верхней улице сначала задумался, а потом выплюнул карту. Второй работал. Я даже успел разо-

злиться, что делаю хорошее дело с такими препятствиями.

На кухонном столе лежали ножницы, вскрытое письмо и две половинки разрезанного яблока. Фрэнк поставил передо мной кружку без надписи. У него всегда были нормальные кружки — достаточно большие, чтобы держать за ручку, и достаточно тяжёлые, чтобы не опрокинуть рукавом.

— Как нога?

— Сегодня лучше.

Я кивнул. Он не уточнил, чем вчера, и я решил не спрашивать. Фрэнк сел осторожно, опустил большую ногу под стол и пододвинул к себе яблоко. Одну половину начал резать на тонкие ломтики. Кожуру он не снимал, хотя раньше чистил даже персики. Я почему-то это помнил.

— Позвонил бы, я бы заехал за продуктами, — сказал я.

— Я за ними езжу.

— Я не о том, что ты не можешь.

— А я не о том, что ты думаешь.

С Фрэнком было удобно работать. Он не держал шуруп во рту, когда объяснял задачу, не бросал инструмент на край площадки и не спрашивал каждые десять минут, скоро ли обед. На этом столе ножницы лежали кольцами к нему, остриём к стене. Я поймал себя на том, что ищу подобные мелочи, лишь бы не говорить о конверте.

За окном женщина собирала с крыльца лёгкие садовые кресла. Она укладывала их одно на другое, но верхнее всё время съезжало. Отсюда хотелось крикнуть, что его надо по-

вернуть. Я перевёл взгляд на кофе.

— Я получил за фасад, — начал я. — С задержкой, но получил. Могу немного перекинуть тебе сейчас.

— Я не просил.

— Знаю.

— Тогда зачем?

— Фрэнк, ну что за вопрос?

Он перестал резать яблоко. Я вытащил конверт и положил между нами, достаточно близко к его руке, чтобы не пришлось тянуться. Это расстояние я рассчитал автоматически. Было бы замечательно, если бы остальное тоже решалось правильным расстоянием.

Фрэнк не коснулся денег. Он взял вскрытое письмо, вынул один лист и развернул его ко мне.

Я узнал свою подпись раньше, чем прочёл первую строку.

— Откуда у тебя это?

— Из разбора.

— Я понял. Кто прислал?

— Мне прислали моё дело, Хэм.

Лист был копией. Внизу у моей подписи остался чёрный след, похожий на обрезанный ноготь: тогда ручка плохо писала, и я расписывал её на краю. Помнил ручку, помнил пластиковый стол в маленькой комнате за конторой. Помнил, как торопился уехать, потому что на другом объекте ждали крепления. Содержание я тоже помнил, но от этого легче не стало.

Фрэнк положил палец на середину абзаца.

— Где ты стоял?

— Что?

— Когда я отказался от второго человека. Здесь написано, что ты слышал. Ты стоял у машины или в помещении?

Я взял кружку. Кофе был горячим, однако пить его всё равно было проще, чем отвечать.

— Я не хотел, чтобы всё повесили на мастерскую.

— Где ты стоял?

— Меня там не было.

Он убрал палец. На копии осталась влажная дуга от яблочного сока.

Ворота ремонтировали в конце марта. Заказчик не хотел оставлять склад открытым на ночь. У Дэна две бригады застряли на других работах, и Фрэнк поехал один: посмотреть, что можно сделать до приезда помощника. Сдвинулась рама. Придавило голень. Сначала все говорили, что повезло — не голову, не позвоночник, вообще могло быть хуже. Я тоже так сказал, когда увидел его в больнице. Фрэнк тогда велел мне переставить стул, потому что я сидел на шланге от какого-то пакета.

Потом понадобились объяснения. Дэн ходил из бокса в контору, с телефонами у обоих ушей. Мастерская только начала расплачиваться с прошлой зимой. Я предложил написать, что Фрэнк сам хотел работать один. Я знал его много лет, он часто не любил, когда путались под руками. Из этого

я сделал то, чего не слышал.

Сейчас мне хотелось рассказать всё именно в таком порядке. Зима, счета, заказчик, усталый Дэн. Чтобы ложь оказалась последней в длинной очереди других обстоятельств.

Фрэнк перевернул письмо.

— Они снова отказали в выездах.

— Врач не разрешил?

— Врач разрешил то, что я попросил. Без лестниц, без переноски тяжёлого, с нормальным перерывом. Я могу смотреть автоматику и выставлять концевики. Мне ответили, что после того случая они не готовы брать человека, который сам пренебрёг помощью.

— Я поговорю с Дэном.

— Дэн уже поговорил.

Я посмотрел на телефон возле своей кружки. Экран был тёмным. Пока я шёл от остановки к дому, он дважды вибрировал; я решил, что это диспетчер с завтрашнего фасада, и не стал отвечать.

— Когда?

— Сегодня утром.

Фрэнк забрал копию из-под моего локтя. Я даже не заметил, что придержал её, словно она собиралась улететь.

— Он сказал, что отправил меня один. И что никакого отказа не было. Но здесь твоя подпись. Мне сказали получить от тебя отдельное объяснение.

Телефон узнал лицо не сразу. Сверху висело сообщение

от Дэна: «Я сообщил, как было с воротами. Исправь своё. И позвони мне».

Я прочёл его ещё раз. Внизу было время — девять семнадцать. В девять семнадцать я стоял на люльке у пятого этажа и уверял напарника, что туча пройдёт стороной. Туча не прошла, нас сняли с фасада после обеда, и день с тех пор только улучшался.

— Я не заставлял тебя писать, — сказал Фрэнк.

— Знаю.

— Ты так говоришь, будто мне надо догадаться, как тебе было трудно.

— Я так не говорю.

Он посмотрел на конверт. Я убрал руку от кружки: пальцы сжались на ручке слишком сильно, и белая керамика тихо скрипнула о блюде.

— Деньги возьми, — сказал я. — Это вообще отдельно.

— От чего отдельно?

Вопрос был спокойным. Фрэнк не повышал голос, и я вдруг захотел, чтобы повысил. На крик можно ответить; после крика можно выйти, хлопнув дверью, потом вернуться, потом сказать, что оба перегнули. Здесь он сидел с нарезанным яблоком и ждал от меня простого предложения, для которого не требовалось ни денег, ни больших рук.

— У меня дома есть копия, — сказал я. — Я подниму её.

— У тебя перед глазами копия.

Я не нашёл ответа. За окном упало кресло, женщина вы-

ругалась так отчётливо, что мы оба повернули головы. Я почти улыбнулся. Фрэнк встал, опираясь на край стола, и закрыл форточку.

— Я могу написать тебе, что нужно, — предложил он. — Что ты был на другом объекте. Что моего отказа не слышал. Можешь своими словами.

— Я умею составить объяснение.

— Хорошо.

Он снова сел. Я посмотрел на часы, хотя никуда не опаздывал, и сделал вид, будто вспомнил о деле.

До двери мы дошли молча. Конверт Фрэнк сунул мне в карман куртки, пока я надевал её. Я мог бы не заметить; он оставил край торчать, не позволяя нам разыграть эту сцену.

— Позвони, когда отправишь, — сказал он.

— Я разберусь.

Он кивнул без согласия и закрыл дверь. Ручка осталась косою.

* * *

Моя машина стояла у мастерской. С утра Дэн подбросил меня к фасаду, а после отмены работ я решил добраться до Фрэнка автобусом. Когда вышел из его дома, на остановке уже висела красная лента. На табло горела половина слова, и женщина в форме транспортной службы объясняла двум школьникам, что верхний перекрёсток закрыли из-за проводов. Она повторяла это с той интонацией, которой объясняют в третий раз одно и то же взрослым, притворяющимся

детьми.

— До центра тоже ничего? — спросил я.

— От другой стороны холма. Если пойдёт питание.

— А когда пойдёт?

Она посмотрела на меня. Я поднял ладонь.

— Понял. Снял вопрос.

На телефоне машина с водителем ехала ко мне двадцать четыре минуты и стоила как приличный ужин на двоих. Пока я смотрел, она стала стоять дороже. Я закрыл приложение, достал сигарету и пошёл пешком.

До Милл-Флэтс можно было срезать через Старый парк. Если дождь начнётся сразу, промокну; если минут через сорок — успею дойти до мастерской и там уже ругаться на него в сухом месте. Я любил решения с двумя исходами, особенно когда оба позволяли двигаться.

Дэн позвонил у аптеки. Я видел его имя поверх треснувшего угла защитного стекла и дал звонку закончиться. Потом набрал: «Был у Фрэнка. Иду к тебе».

Ответ пришёл не сразу.

«Задержусь. Тут людей разворачивают с нижнего проезда. Ты где?»

Я написал название улицы. Он прислал: «Обойди парк по верху. Гроза».

Я уже слышал по крыше аптеки первые капли. Они падали далеко друг от друга, с жестяным звуком. На витрине мигнула лампа, женщина внутри начала вытаскивать из розетки

электрическую вывеску.

Я убрал телефон. Обход по верху добавлял почти милю. В обычный день это ничего не меняло, но я уже достаточно походил туда, где мне не рады.

Здесь начинались отдельные дома с узкими участками. В каждом втором гараже стояла газонокосилка, которой пользовались ради полосы травы шириной с мою комнату. Я не понимал такой любви к земле. На высоком этаже гораздо меньше вещей требуют, чтобы их подстригали, чистили и красили каждую весну. В окно виден город, а не забор соседа, и никто не спорит с тобой из-за ветки, пересёкшей воображаемую границу.

Я работал наверху и жить предпочитал там же. Дэн говорил, что мне просто нравится видеть, как далеко до неприятностей. Иногда он был прав.

Порыв ветра вывернул чей-то зонт. Мужчина у автобусной остановки удержал его обеими руками, посмотрел на спицы и рассмеялся. Я прошёл мимо, завидуя тому, как легко у него получилось. В кармане мешал конверт. Я переложил его глубже, под телефон, и в очередной раз начал составлять в голове разговор с Дэном.

У меня быстро получались такие разговоры. Обычно я заранее слышал обе стороны и мог подобрать ответ до того, как другой человек открывал рот. Проблема начиналась, когда он говорил что-нибудь своё. Фрэнк сегодня обошёлся двумя вопросами и оставил меня без единой удачной реплики.

На углу кроссовок задел оторванный край ограждающей ленты. Я поднял её, намотал на столбик и затянул узлом. Делать руками было всё ещё приятно. Лента перестала хлестать прохожих по ногам; женщина с бумажным пакетом сказала спасибо. Я кивнул так, будто это было именно то, ради чего я сегодня вышел из дома.

В парке пахло мокрой пылью и сладковатой гнилью у воды. Водоём выкопали лет двенадцать назад. Я тогда ещё ездил на велосипеде по тропе, которую потом залили бетоном, и был уверен, что после благоустройства здесь нельзя будет нормально проехать. Нормально проехать действительно стало труднее: людей прибавилось. Теперь никого почти не было. На дальнем берегу два человека сворачивали светлое покрывало, прижимая его коленями к траве.

Первый сильный дождь застал меня у пустой тележки с мороженым. За пять шагов вода пропитала плечи куртки. Я побежал к дубу — большому, низко разветвлённому, с утоптанной землёй под кроной. В сухую погоду под ним всегда сидели семьями. Сегодня скамейка была свободна, но мокра, и я остался стоять у ствола.

Я знал, что в грозу под деревом не прячутся. В этот момент гроза представлялась мне дождём, а дуб — крышей. До павильона впереди было ещё далеко, открытая дорожка уже блестела сплошной водой. Я решил постоять две минуты.

Под ладонью кора была шершавая и тёплая. В глубокой трещине торчал небольшой белый камешек; кто-то вдавил

его туда с таким усердием, будто дерево нуждалось в пломбе. Я попробовал подцепить камешек ногтем, не смог и оставил в покое.

Молния высветила противоположный берег. Через секунду другая перечеркнула низкую тучу. Я отсчитал про себя до пяти, перестал и достал телефон.

Музыка продолжала играть в одном наушнике. Второй я потерял весной, а покупать пару было жалко: как только куплю, старый непременно найдётся. Я вынул наушник. На экране Дэн написал ещё что-то, но капли попадали под палец, и сообщение не открывалось.

Снова сверкнуло. Над дальними домами прошла целая связка коротких белых разрядов.

Грома не было.

Я выключил музыку, хотя наушник уже держал в руке. Дождь шипел по листьям и стучал по мусорному баку. Из водостока павильона лилась вода. Я слышал, как она разбивается об асфальт, но не слышал того, что должно было последовать за молниями.

Двое на берегу бросили покрывало. Один показывал куда-то вверх, второй повернулся к нему лицом. Ветер прижимал светлую ткань к мокрой траве.

Я собрался позвонить Дэну.

Дождь продолжал идти, и вдруг перестал звучать.

Я видел капли на экране. Они вздрагивали, сливались, стекали по большому пальцу. Ветви качались над головой.

Человек на берегу открыл рот. Ничего из этого не было слышно.

Я резко втянул воздух и не услышал собственного вдоха. Прижал телефон к груди, сглотнул, будто в ушах заложило от подъёмника. Не помогло. По шее потекла вода, холодная, настоящая. Я переставил ногу и ещё крепче упёрся рукой в ствол.

Звук вернулся одним ударом.

Он пришёл не с неба. Он оказался сразу в зубах, в груди, под ступнями. Я согнулся, а в окнах высокого дома за парком мелькнуло белое. Стёкла вылетели наружу сплошной неровной полосой. Их ещё можно было различить, когда следующий толчок оторвал мои ноги от земли.

Я ударился плечом о корень. Телефон выскочил из руки. Попробовал встать, но земля подо мной двигалась; ладонь скользнула по грязи и ухватилась за выступающий корень, толстый, как моё предплечье. Я вцепился в него, собираясь подтянуть себя под ствол, хотя уже не понимал, что именно меня там защитит.

Вода на дорожке поднялась белыми брызгами.

Небо стало красным. В этой красноте несколько мгновений держалась тонкая синяя линия, слишком яркая, чтобы смотреть на неё прямо. Я успел увидеть свои пальцы на корне и подумать, что должен их разжать.

Потом линия расширилась.

02. На нём ничего не осталось

Я лежал щекой на чём-то тёплом и сначала подумал, что снова заснул на полу у Дэна. После ночной работы такое случалось: заходишь наверх, решаешь снять ботинки сидя, а дальше уже не до кровати. Но пол в мастерской не пах горелыми волосами, и мелкие камни не вдавливались в губу.

Я открыл глаза. Перед лицом была чёрная земля с ровным серым налётом. Если чуть повернуть голову, налёт осыпался. Из него торчала тонкая зелёная травинка, удивительно свежая на вид.

Я попробовал опереться на локоть и не смог. Боль началась не в локте — она будто ждала движения во всём теле. Стиснул зубы, дышал носом. Потом медленно подтянул колено и всё-таки сел, обхватив его обеими руками.

Парк узнал по воде. Берега почти не было видно за перевёрнутыми скамейками, но дальше стоял тот же низкий павильон. Его крышу загнуло вверх, как крышку консервной банки. Между мной и ним лежали ветви.

Самого дуба не было.

Я смотрел на то место, где должен был начинаться ствол, и видел тёмный рваный выступ высотой мне по пояс. От него расходились толстые корни. Один проходил возле моей левой ступни; кора на нём растрескалась и отстала длинными полосами. Вчера я держался за этот корень. Вспомнив, как

держался, я снова почувствовал в пальцах судорогу.

Утро было светлым, холодным, совершенно не похожим на конец света. Где-то кричала птица. Из-за домов доносился переменный вой. Я решил, что это сирена, хотя она то пропадала, то становилась слишком высокой.

Время надо было посмотреть. Я сунул руку в карман, ничего не нашёл и заметил возле бедра плоский кусок пластика, к которому пристали обгорелые листья. На одном краю блеснуло стекло. Я долго переворачивал его, пытаясь найти кнопку, пока не понял, что именно держу.

Телефон был тёплым. Или это у меня руки ещё не умели отличать тёплое от всего остального.

Я бросил его рядом, расстегнул куртку и увидел, что расстёгивать почти нечего. Молния осталась на месте, а ткань вокруг расходилась под пальцами. Один рукав висел узкой лентой. Белая футболка стала серой; через дырки была видна кожа. Обычная кожа. Я провёл ладонью по животу, потом по груди, ожидая содрать что-нибудь вместе с ней, но ничего не произошло.

На правом боку лежал мелкий белый пепел. Я смахнул его и только тогда вспомнил конверт.

Во внутреннем кармане остался бумажный угол. Мне стало так глупо обидно за эти деньги, что я тихо выругался. Вокруг был разгромленный парк, дерево исчезло, я сидел в обгоревшей одежде, а голова выбрала именно конверт.

Подошва левого кроссовка прилипла к корню. Я подтянул

ногу — тянулась ступня, но не обувь. Пришлось разрывать остаток шнуровки. Из-под резины пахло ещё сильнее.

На ступне не оказалось ни волдырей, ни крови. Я пошевелил пальцами, перестал и снова пошевелил. Это маленькое послушное движение вдруг показалось достаточным основанием, чтобы встать.

Надо было позвать кого-нибудь. Проверить, что случилось с людьми у воды. Найти Дэна. У меня возникло сразу несколько разумных задач, и ни одна не началась: я перенёс вес вперёд, попытался подняться и сел обратно так резко, что зубы ударились друг о друга.

— Здесь! — крикнули слева. — Он двигается!

Два человека шли по краю дорожки. На одном была яркая жилетка, у второго висела сумка. Я хотел махнуть им, но рука поднялась только до плеча.

— Не вставай! — сказал человек с сумкой.

Конечно, я встал. Вернее, успел решить, что стою. Парк наклонился, большой светлый павильон поплыл куда-то под землю, и перед лицом оказалась грязная белая перчатка.

Меня называли «приятель». Несколько раз спросили, слышу ли я. Я всё слышал, особенно собственное дыхание, которое почему-то не удавалось сделать тише. Ладонь придерживала мою голову.

— На нём ничего не осталось, — сказал другой голос.

— Не трогай пока одежду. Дай сюда.

Я хотел объяснить, что куртку уже можно выбрасывать.

Получился непонятный звук. Человек в перчатке наклонился ближе; за его плечом я увидел небо, и от этого неба меня повело ещё сильнее.

— Имя?

— Хэм.

— Как полностью?

Я знал ответ. Он находился совсем близко, но пришлось сделать усилие, чтобы достать его.

— Эрик. Хэммонд.

Человек повторил моё имя. Я собирался поправить его произношение — зачем-то, он произнёс всё правильно, — когда боль поднялась к затылку и свет исчез.

* * *

Во второй раз просыпаться оказалось хуже. Я уже знал, что это не мастерская, но ещё не понимал, где нахожусь.

Надо мной тянулась металлическая балка. На ней висел выключенный спортивный светильник с защитной сеткой. Я зацепился взглядом за два болта и несколько секунд изучал их: один был длиннее другого, из гайки торчало слишком много резьбы. Пока я смотрел наверх, всё оставалось на месте. Стоило повернуть голову, и баскетбольный щит на стене ушёл в сторону.

— Лучше пока не пытаться садиться.

Женщина стояла возле соседней раскладушки. На её халате было что-то написано, но халат застёгивался неровно и закрывал половину имени. Волосы собраны сзади, на пере-

носице след от очков. Она держала бумажный стакан и разговаривала с пожилым мужчиной; он смотрел на неё с таким недоверием, будто в стакане была предложена новая форма налога.

— Вы мне? — спросил я.

— В том числе.

Мужчина лёг обратно. Женщина передала стакан помощнице и подошла ко мне.

— Я доктор Парк. Рут Парк. Как вас зовут?

— Я уже говорил.

— Мне не говорили.

— Эрик Хэммонд.

— Хорошо. Помните, где были?

— В парке. Под дубом.

Она внимательно посмотрела на меня и кивнула, как будто этот ответ что-то прибавлял к уже известному. Дальше вопросы шли не в том порядке, который я ожидал. Принимал ли что-нибудь. Есть ли кому позвонить. Болит ли голова иначе, чем раньше. Могу ли сказать, что произошло перед потерей сознания.

Я рассказал про дождь, молнии и отсутствие грома. На тишине она перестала писать.

— Звуки пропали сразу все?

— Да. Я подумал, что оглох.

— А потом слышали удар?

— Не только слышал.

— Понимаю.

Это было сказано без профессиональной ласки. Похоже, она и правда понимала, по крайней мере ту часть, в которой человека бросает на землю.

Я попросил воды. Мне дали немного и велели не торопиться. Стакан дрожал у рта; я придержал его второй рукой и сделал вид, что так удобнее.

— Я обгорел? — спросил я.

Рут посмотрела на раскрытый у горла край одеяла.

— Видимых ожогов мы не нашли.

— Значит, одежда всё приняла?

Она не ответила сразу. Соседний мужчина позвал её, и она подняла ладонь, показывая, что слышит.

— Ваша одежда этого не объясняет, — сказала она. — Вы касались чего-нибудь, когда произошло последнее воздействие?

— Земли. Меня сбило.

— Руками?

Я вспомнил корень.

— Держался за дерево. За корень.

Она записала. Я попытался прочесть перевёрнутые строчки, но голова снова поплыла.

— А это объясняет?

— Пока это ответ на мой вопрос.

Я посмотрел на собственные ладони. Они были чистыми, под ногтями осталась тонкая чёрная полоска. Костяшки на

правой руке побелели, как после долгой воды, но не болели при прикосновении. Болело глубже — локти, плечи, спина, мышцы под рёбрами. Словно ночью кто-то дал мне новую работу, а объяснить забыл.

— Другие такие есть?

Рут чуть повернула голову. У дальней стены женщина сидела на краю раскладушки, обе ступни держала на пластиковом ящике. Под ящиком лежала перевёрнутая металлическая подставка. Одна из её трубок выгнулась и потемнела. Помощник поднял её полотенцем, попробовал поставить и оставил на полу.

— Есть люди с похожими обстоятельствами, — сказала Рут. — И очень разным состоянием. Поэтому мне нужно, чтобы вы пока остались здесь.

— Я нормально себя чувствую.

Она посмотрела на стакан у меня в руках. Я поставил его рядом с раскладушкой.

— Лучше, чем выгляжу.

— Вы выглядите человеком, которого дважды находили без сознания.

— Только один раз. Второй был уже при свидетелях.

У неё дрогнул угол рта. Она поправила край моего одеяла и сказала, что вернётся. Я хотел спросить про подставку, но к ней уже подошли двое с носилками.

В зале было много людей, хотя сначала мне показалось, что нас всего несколько. За тканевой перегородкой кто-то

кашлял, возле двери ругались из-за зарядного устройства. Обычный человеческий шум мешался с писком приборов и звуком генератора снаружи. Я прислушивался к нему с неожиданным удовольствием. Ночью, под дубом, я успел узнать, каково без него.

На соседней раскладушке лежал мужчина, которому не нравился стакан. Он повернул голову.

— У тебя кто-нибудь внизу?

— Друг.

— Много там осталось.

— Вы оттуда?

Он кивнул и долго расправлял край одеяла у живота.

— Я над путями. Стекло в спальне вышло целиком. Раму не тронуло. Представляешь?

Я представлял. Иногда неправильная нагрузка сохраняет раму и уничтожает всё остальное. Но объяснять ему сейчас работу крепежа было бы совсем уж по-моему.

— Вас вывезли?

— С лестницей пришли. Лифт мёртвый. Жена у дочери, хорошо хоть.

Он сказал это несколько раз: хорошо, что жена у дочери. Я не стал мешать. У меня на языке всё время крутилось имя Дэна, а у него было своё, которое он так и не назвал.

* * *

Одежду принесли в прозрачном пакете. Серые спортивные штаны, тёмно-синюю футболку с эмблемой какого-то

школьного турнира, вытертую ветровку и белые кеды. Кеды были малы; я попросил ещё размер и получил ответ, что этот размер единственный. Зато носки были новые, с пластиковым соединителем между ними. Я чуть не заплакал от злости, пока пытался разорвать эту крошечную штуку дрожащими пальцами.

Помощница дала ножницы.

— Спасибо.

— Не за что. Остальное сложить вам?

— Там нечего складывать.

Она всё равно показала отдельный пакет. В нём лежал спёкшийся телефон, ключи и то, что осталось от бумажника. Один ключ потемнел, но зубцы уцелели. Я потянулся к нему так жадно, будто ключ уже означал машину, сухое сиденье и дорогу обратно.

Документы слиплись. На краю пластиковой карточки осталось несколько букв моей фамилии. Я сказал, что всё заберу. Помощница не стала спорить.

Переодевался за перегородкой, сидя на стуле. Дважды отдышал. Футболка зацепилась за голову, и на секунду темнота внутри синей ткани вернула меня в парк. Я сорвал её с лица резким движением, тут же получил боль в плече и замер, сердясь уже на собственное тело.

За перегородкой ждали люди. Пришлось одеться спокойно.

Потом дали хлеб, яйцо и банан. Я всегда считал банан

едой для тех, кто забыл нормально поесть; теперь с удовольствием съел два, потому что сосед отказался от своего. На ногах становилось легче, пока я стоял неподвижно. Стоило пройти несколько шагов, и пол начинал слегка покачиваться.

Телефон мне одолжили у стола волонтеров. Я набрал Дэна по памяти и промахнулся в последней цифре. Попал на запись магазина инструментов. Пришлось объяснять девушке у стола, почему я слушаю часы работы в такое утро.

Правильный номер не отвечал.

Я попробовал ещё раз, потом написал сообщение с чужого телефона: «Это Хэм. Я жив. У спортзала наверху. Где ты?» Девушка сказала, что позовёт, если придёт ответ, и положила аппарат экраном вверх.

Я остался рядом. Люди просили зарядки, искали родственников, называли адреса. Один мужчина принёс на бумаге список соседей, которых видел утром. Он хотел, чтобы список кто-нибудь переписал; девушка сфотографировала лист. Мужчина посмотрел на экран и забрал бумагу обратно, явно не доверяя такой лёгкости.

Я услышал слово «Мерсер» и повернулся так быстро, что пришлось ухватиться за стол.

Двое обсуждали нижний проезд. Одного я узнал: он возил в мастерскую маленький красный грузовик с вечно отклеивающимся зеркалом. Сейчас он держал куртку под мышкой и шурился одним глазом.

— Дэн там? — спросил я.

Он посмотрел на меня, на тесные кеды, снова на лицо.

— Хэм? Чёрт. Ты откуда вылез?

— Дэн в мастерской?

— Был. Утром. Людей у себя держит, пока машины собирают. Сказал, воротами можно пользоваться с западной стороны. Дальше проход завален.

— Он цел?

— Ходил. Кричал. Похоже, цел.

Человек пошёл дальше, а я ещё держал край стола. Мне не сразу удалось разжать пальцы. Девушка спросила, всё ли нормально, и я ответил совершенно честно: теперь да.

Рут нашла меня у выхода.

— Вы собрались уходить.

Я не стал спрашивать, почему она так решила. На мне была ветровка, пакет с остатками вещей я зажал под мышкой.

— Друг в мастерской. Там нужны люди.

— Здесь тоже нужны. Особенно способные устоять на ногах.

— Я не собираюсь тащить кого-нибудь один.

Рут посмотрела на меня чуть дольше, чем было удобно.

— Вы собираетесь именно это сделать, как только понадобится.

Я усмехнулся, но она не улыбнулась в ответ. Попросила пройти до стены и обратно. Я прошёл. На повороте пришлось замедлиться; она заметила, я заметил, что она заметила, и оба обошлись без замечания.

— Сядьте ещё ненадолго, — сказала она. — Попейте. Если снова потемнеет в глазах, сразу говорите тем, кто рядом. Не пытайтесь переждать стоя. И вернитесь, даже если решите, что всё закончилось.

Она записала на клочке бумаги своё имя и место пункта. Я убрал бумагу в пакет с ключами, отдельно от мокрых остатков бумажника.

Я посидел ещё. Это было труднее, чем пройти до стены. У двери всё время появлялись новые люди; каждый мог знать дорогу, по которой я пока не шёл. Дэн остался в мастерской. Он был жив, у него были люди и работа, и мне хотелось оказаться там до того, как он научится обходиться совсем без меня.

Ответ на чужой телефон так и не пришёл. Я вернул девушке место у стола, взял воду и вышел на крыльцо.

На солнце школьная футболка оказалась с большим оранжевым мячом на груди. Я посмотрел на него, на белые кеды и решил, что если встречу Дэна, первым смеяться буду сам.

03. Последний адрес

От спортивного зала вниз шла улица, по которой я когда-то возил шкаф. Поворот помнил хорошо: если слишком рано взять вправо, задняя дверь машины бьёт по почтовому ящику. Самого ящика теперь не было, а поворот перекрывали два школьных автобуса. В один садились люди, другой стоял с поднятым капотом.

Я спросил водителя, можно ли проехать к Милл-Флэтс.

— Мы вверх, — ответил он.

— Мне к мастерской Мерсера. Это за старой прачечной.

— Знаю, где это. Мы вверх.

Он держал над ступеньками раскрытый зонт, хотя дождя не было. Когда к автобусу подошла женщина с забинтованной головой, я понял зачем: солнце светило прямо на вход. Водитель заслонил её, дал опереться на предплечье и больше на меня не смотрел.

Я обошёл автобус. Идти было легче, если не пытаться делать обычный шаг. Ноги слушались, но отдавали в спину при каждом спуске с бордюра. Узкие кеды тоже внесли свой вклад. У левого большого пальца было такое чувство, будто его взяли в маленькие тиски и забыли, зачем.

Через два квартала заработала связь. Я узнал об этом по чужому крику: мужчина возле фургона вдруг начал объяснять матери, что не умер, и делал это всё громче, словно она

могла предпочесть прежнюю версию. Дождался, пока он закончит, и попросил телефон.

Он протянул его не сразу.

— Долгий разговор?

— Если ответят — короткий.

Дэн не ответил. Голосовая почта включилась после первого гудка. Я представился, сказал, откуда иду, и зачем-то добавил, что со мной всё нормально. Мужчина стоял рядом; при нём было неудобно оставлять подробности о себе.

Вернув телефон, я спросил, откуда он приехал.

— От железной дороги. Дальше нельзя.

— Со стороны реки?

— Со стороны всего, приятель. Я туда за братом ездил. Нашёл в другом месте.

Он открыл заднюю дверцу. На сложенном одеяле сидел большой чёрный пёс, а рядом с ним — босой мужчина с детским рюкзаком на коленях. Брат поднял руку, заметив, что о нём говорят. Водитель кивнул и забрался за руль.

Вверх по улице двигались машины с включёнными фарами. Люди несли пакеты, клетки, рулоны постельного белья. Один парень вёз на офисном кресле кофейный аппарат; я подумал, что всё понял о его приоритетах, пока из-за аппарата не выглянула маленькая девочка, усевшаяся на сиденье между коленями бабушки. Сам аппарат был единственным тяжёлым предметом, за который бабушка могла держаться.

У перекрёстка две женщины натягивали верёвку поперёк

тротуара. На ней висела картонка со стрелкой. Стрелка указывала туда, откуда я только что пришёл.

— Вниз есть проход? — спросил я.

Одна из женщин продолжала возиться с узлом. Другая протянула мне конец верёвки.

— Подержите.

Я подержал. Узел затянулся, картонка повернулась чистой стороной вперёд.

— Другим боком, — сказал я.

— Вот чёрт.

Мы перевернули её. С обратной стороны было написано: «Вода, медпомощь, вывоз». Я уже стоял в таком месте час назад, но теперь стрелка выглядела убедительнее, чем когда мне её показывали.

— К мастерской надо, — сказал я. — У Мерсера люди. И мой друг.

Женщина вытерла руки о джинсы.

— Через Четвёртую не идите. Там под домом провалилось. Возле магазина можно спуститься к задним дворам, потом спросите. Мы дальше не были.

— Насколько провалилось?

— Достаточно, чтобы не идти.

Это был вполне точный ответ, но мне хотелось другого. Я поблагодарил их и пошёл к магазину.

Раньше на углу продавали краску и садовые принадлежности. Теперь на стеклянной двери висел лист с номером те-

лефона, а за дверью никто не шевелился. Сбоку к зданию была прикручена открытая лестница, ведущая на площадку второго этажа. С неё должно было быть видно нижние кварталы.

Я проверил первую ступеньку ногой, взялся за перила и поднялся. На середине пришлось остановиться. Отчасти из-за боли, отчасти потому, что дыхание сделалось слишком частым для такого пустяка. Я постоял, изображая интерес к креплению поручня, хотя смотреть было некому.

Площадка находилась не так высоко, как хотелось, но крыши уже не заслоняли друг друга. За ними виднелась река, железнодорожные пути и низкий белый корпус, в котором Дэн арендовал боксы. Саму мастерскую закрывал соседний склад. Я узнал высокую вытяжку, потом бетонную ба-шенку с выцветшей надписью. Вытяжка стояла ровно. Это меня успокоило гораздо сильнее, чем имело право.

Дым шёл из двух мест. У ближнего он поднимался обычным серым столбом, у дальнего лежал почти горизонтально над крышами, хотя верхушки деревьев не двигались. По двору подо мной прошёл человек с ведром. В другом дворе кто-то снимал бельё. Если не смотреть левее, на заваленную улицу, город можно было принять за утренний город после очень плохой грозы.

Я выбрал полосу между двумя рядами кирпичных зданий. Достаточно широкая, без дыма, с выходом на нужный мне проезд. Сверху были видны оба края, и я мысленно уже про-

шёл её. Оставалось спуститься и сделать то же самое ногами.

У первой двери сидел мужчина с полотенцем на шее. Он переливал воду из маленькой бутылки в большую, проливая при каждом движении.

— Там к прачечной выйду? — спросил я.

— Выйдешь.

Я сделал ещё несколько шагов.

— Если выйдешь, — добавил он.

Пришлось вернуться.

— Что там?

Он указал бутылкой на дальний конец прохода.

— Видишь тёмное?

Я видел ровный тенистый участок между стенами. На асфальте лежало что-то блестящее.

— Труба?

— Дверная ручка. Я дверь хотел придержать. Она уже отдельно была, только я ещё не знал.

Мужчина поднял ладонь. Повязка на ней была мокрой. Я перестал смотреть вдаль и наконец заметил, что нижняя часть металлической двери рядом с ним выгнута наружу. На стене шёл широкий чёрный след, но асфальт у порога оставался чистым.

— Сейчас спокойно, — сказал я.

— Уже было спокойно.

Он произнёс это без раздражения. Наверное, я был не первым человеком, который оценивал проход с безопасного рас-

стояния.

Я предложил помочь с водой. Мужчина придержал большую бутылку между коленями, а я медленно перелил остаток из маленькой. Потом он показал мне калитку в соседнем заборе. Через неё можно было выйти к грузовым воротам, если поднять щеколду с внутренней стороны.

— Только обратно закрой. Собака у людей.

Собака оказалась маленькой, рыжей и готовой объяснить мне право собственности. Она шла по другую сторону сетки, старательно наступая на собственный поводок. За ней из кухни вышла женщина в переднике и с фонариком на лбу.

— Не трогайте щеколду, она падает, — сказала она.

Я уже тронул. Щеколда упала.

Поднимать её пришлось вдвоём: женщина держала калитку, я пытался вставить длинный перекошенный штырь в петли. Это было обычное, понятное дело, и от него стало легче. Я поправил нижнюю петлю камнем, проверил, что штырь выходит без усилия, и наконец смог пройти.

— Воды взять?

— Есть.

Она посмотрела на пустую бутылку, которую я машинально сжимал в руке.

Я отдал бутылку.

В кухне кто-то ругался с радиоприёмником. Сквозь помехи слышались названия улиц, просьба освободить подъезд и обещание следующего сообщения. На столе стояли банки

с собачьим кормом. Женщина налила мне воду из большой кастрюли и сунула в другую руку завернутый кусок хлеба с сыром.

— Спасибо. Я могу потом...

— Можете калитку закрыть.

На этом расчёт закончился.

За дворами начиналась стоянка бывшей прачечной. Я помнил её полную: утром люди приезжали забрать форму, днём подъезжали поставщики, вечером Дэн пользовался пустыми местами и потом спорил с владельцем о том, что значит «на пять минут». Теперь посередине стояли два грузовика, а под длинным козырьком на стульях сидели люди.

Я поел, прислонившись к холодной стене. Только после второго куса понял, насколько был голоден. От жевания тоже болела челюсть. Получалось, что организм охотно соглашался лишь лежать, а всё остальное считалось дополнительной услугой.

Один из мужчин у грузовика заметил мою футболку.

— Ты в школьной команде играл?

— Недолго. Не дали закончить выпускной класс.

Он посмотрел на меня внимательнее и рассмеялся. Потом спросил, есть ли кто у меня внизу, и, услышав имя Дэна, указал за угол.

— Его сюда привозили ночью. Он у нас взял фонари. Вернёт когда-нибудь, говорит.

— Вернёт.

— Я знаю. Поэтому и дал.

Нужный мне путь снова оказался почти прямым. Между почти и прямым лежал кусок кровли, который занимал всю ширину проезда. Под него нельзя было подлезть: с другого края выступали стальные крепления. Двое мужчин пробовали сдвинуть его за верёвку. Я положил еду в карман и взялся третьим.

Кровля пошла на ладонь, заскребла и застряла. Младший проверил край: лист надо было сначала приподнять с другой стороны. Мы подложили две деревянные распорки и передвинули его в сторону. Обычная небольшая победа заняла минут пятнадцать и оставила меня мокрым от пота.

На другой стороне проезда была ограждённая лентой площадка. В центре стояла перевёрнутая металлическая тележка с почерневшими колёсами. Воздух над ней дрожал — или мне так казалось после усилия.

— Здесь теперь можно? — спросил младший у человека возле ленты.

— Не заходи. Мы ещё смотрим.

— Так перестало же.

— С утра перестало. А я сказал, что можно?

Человек записал что-то в блокнот. Рядом с ним лежал длинный шест с обугленным концом. За тележкой, на расстоянии нескольких шагов, бумажный стакан стоял целый и белый.

Я спросил, что именно перестало.

— Жар, — ответили мне. — Ночью сюда приблизиться нельзя было. Теперь вот.

— Остынет, значит?

Человек пожал плечами.

Мне захотелось принять это движение за согласие. По крайней мере, не всё становилось хуже. Какие-то места успокаивались, люди устраивали вывоз, кто-то продолжал чинить калитки. Дэн мог просто ждать, пока появится дорога. В его характере это было: объявить себя последним человеком, который уйдёт, а потом злиться, что остальные ему мешают собираться.

Я пошёл вдоль ленты. За поворотом послышался короткий автомобильный гудок, потом женский голос:

— Если ещё раз скажешь мне «выверни левее», я выйду и дам тебе руль.

Серый пассажирский фургон стоял поперёк въезда. Правое заднее колесо почти касалось низкого бетонного блока. Слева было достаточно места, но передние колёса упирались в обломок бордюра. Женщина за рулём смотрела в зеркало. Возле задней двери парень в рабочей куртке пытался одновременно держать створку и объяснять ей траекторию рукой.

— У тебя колесо, — сказал я.

— Я знаю про колесо.

— Переднее. С той стороны.

Она повернула голову и наконец посмотрела на меня.

— Тогда иди с той стороны и скажи, сколько до него.

Я обошёл машину. Под передней осью лежал короткий кусок бетона с торчащей проволокой. Если продолжать выводить, шина села бы прямо на неё.

— Назад на пол-ладони. Прямо.

Женщина отпустила тормоз. Я придержал блок подш-вой, но понял, что не сдвину его так, и убрал ногу.

— Есть монтировка?

Парень принёс короткий лом. Мы работали вдвоём: он подал обломок вверх, я вытащил его за край, стараясь не коснуться проволоки. После этого фургон вышел без всякого искусства вождения.

Женщина заглушила двигатель и открыла дверь.

— Спасибо.

— Мне к Мерсеру. Вы туда?

Она кивнула в сторону бокового проезда.

— Мне сначала туда.

В открытой задней двери виднелся подъёмник. На ближайшем сиденье женщина держала клетку, накрытую кухонным полотенцем; из-под полотенца торчала зелёная лапа. Второй пассажир, очень худой мужчина, пытался снять с шеи запутавшуюся лямку сумки.

— К мастерской через двор можно пройти? — спросил я.

— Пешком, наверное. Мы не прошли.

— Что мешает?

— Мне? Два человека, которых ещё нет в машине.

Она показала на дом за погрузочным проездом. Там, в те-

ни подъезда, стояло кресло на колёсах, а рядом кто-то махал нам белой кепкой.

— Джесс, — позвал худой пассажир. — Он опять собирается сам спускаться.

Женщина закрыла свою дверь, забрала у парня лом и сунула ему связку ключей.

— Следи за задней створкой. И больше не говори мне про левее.

Потом повернулась ко мне.

— Ты спрашивал, что мешает. Пойдём, покажу.

04. Последний рейс Джесс

Белой кепкой махал мужчина в кресле. Рядом стояла женщина с большой спортивной сумкой. Подъезд был приподнят над тротуаром всего на две ступени, но пандус, который обходил их сбоку, исчез под кирпичами. Кто-то уже расчистил половину. Другая половина начиналась за провисшим кабелем.

— Я же сказала ждать, — произнесла Джесс.

— Я ждал.

— Внутри.

— Внутри плохо пахнет.

Она приняхалась, перестала сердиться и заглянула в открытую дверь. Оттуда доносился тяжёлый сладковатый запах нагретого пластика.

— Давно?

Женщина с сумкой показала на соседнюю квартиру.

— Когда стена треснула. Мы к вам звонили.

— У меня только что снова появилась связь.

Джесс присела перед креслом и положила ладонь на его переднее колесо.

— Будем сходить здесь. Но сначала я поставлю машину ближе. Куда вы поставили ноги, туда их пока и оставьте, хорошо?

Мужчина посмотрел на меня.

— Это она со мной так всегда.

— Значит, вам повезло, — сказал я.

— Посмотрим.

Джесс оглянулась на него уже от машины.

— Слышу.

Парень, помогавший с фургоном, принёс две доски. Одна была слишком короткой; конец едва держался на нижней ступени. Я показал ему. Он кивнул и унёс её без спора, а я поднял оставшуюся доску и провёл рукой по ребру. Под краской шла старая трещина.

— Эта тоже не пойдёт.

— Я знаю. Она нам не под колёса. Под край.

Он вернулся с широким щитом, снятым с низкого столика. Доску подложил под середину, чтобы щит не прогибался на ступенях. Я посмотрел на него внимательнее. Худой, светлые волосы слиплись у виска, из кармана торчат клещи и маленькая отвёртка. Лет двадцать с небольшим. Выражение лица такое, какое бывает у человека, которому сегодня уже пять раз объяснили его собственную работу.

— Оуэн, — представился он, перехватив мой взгляд.

— Хэм.

— Это имя?

— Для сегодняшнего дня хватит.

— Ладно, Хэм. Придави здесь.

Я придавил. Щит удержался. Оуэн наступил ближе к середине, потом сошёл и проверил нижний край. Мы подложили

ещё короткий брусочек. Только после этого он позвал Джесс.

Она поставила фургон под углом, чтобы подъёмник вышел на ровный участок, открыла задние двери и вернулась к креслу. Одну ручку взяла сама, вторую отдала Оуэну. Мне достался нижний край щита.

— Я могу сверху, — сказал я.

— Можешь здесь. Не дай этому уехать.

Кресло было тяжелее, чем казалось. Под первыми колёсами щит жалобно скрипнул, я сильнее упёрся ногой и сразу пожалел. Боль вернулась от колена к пояснице. Я удержал доску, но лицо, видимо, выдало меня.

— Стоп, — сказала Джесс.

Все замерли.

— Нормально, — выдохнул я.

Она смотрела на мою ногу.

— Брусочек зафиксирован?

— Да.

— Тогда убери ступню. Он и без тебя держится.

Я убрал. Оказалось, она была права. Мы спокойно доказали кресло до тротуара, и ни одной моей кости для этого не потребовалось.

Женщина поставила спортивную сумку на землю, полезла обратно в подъезд и тут же остановилась.

— Синяя сумка. Возле окна. Там всё его.

Она показала на комнату сразу за входной дверью. До окна было несколько шагов, но по потолку шла трещина, а под ней

лежала штукатурка.

— Что там? — спросила Джесс.

— Лекарства, бумаги. Зарядка от аппарата. Я схватила эту, потому что она ближе стояла.

В большой спортивной сумке лежали полотенца. Я видел их через открытый замок: аккуратно сложенные, синие и белые, не самые важные вещи в доме. Женщина тоже посмотрела на них и вдруг опустилась на край ступеньки.

— Я же сама собирала.

Джесс не стала объяснять ей, что бывает с людьми после такой ночи. Она попросила Оуэна подождать у кресла, обошла дом сбоку и посмотрела на окно.

Нижняя створка была открыта. Между подоконником и синей сумкой стоял цветочный горшок.

— Внутри не надо, — сказал я. — Дайте щётку или что-нибудь длинное.

Оуэн принёс ручку от швабры. Я придержал её у конца, зацепил ремень и подтянул сумку к себе. Горшок упал, но женщина успела подхватить его обеими руками. Земля высыпалась ей на колени.

— Цветок тоже поедет, — сказал мужчина в кресле.

— Нет, — ответила Джесс.

Он посмотрел на неё, потом на жену с горшком.

— Ну хоть спросил.

Синяя сумка оказалась тяжёлой. Я передал её женщине, а Джесс помогла пересыпать землю обратно и поставила гор-

шок под окно, в тень. Это заняло меньше минуты. Мужчина следил за ней, всё ещё делая вид, что недоволен.

На подъёмнике он держался прямо. Я стоял рядом, Оуэн — с другой стороны; Джесс показывала, куда переставить локоть. Когда площадка остановилась на уровне пола, пассажир вдруг сказал:

— Медленнее, пожалуйста.

Джесс сразу остановилась.

— Стоим.

Никто его не торопил. В машине тихо зашуршала клетка, зелёная лапа исчезла под полотенцем. Мужчина глубоко вдохнул, кивнул, и мы закатали кресло внутрь.

Я передавал сумки и замечал, как быстро Джесс меняется с каждым человеком. Худому пассажиру она велела убрать локоть с прохода, женщину с птицей спросила, не слишком ли дует, мужчине в кресле ничего лишнего не говорила. Проверила крепления, ремень, карман на сиденье. На всё это у неё ушло ровно столько времени, сколько требовалось; красивой спасательной позы я за ней не успевал поймать.

Пока Оуэн убирал щит, я увидел свободный проход вдоль стены. На его дальнем конце белел знакомый бок склада. Оттуда до мастерской можно было дойти за несколько минут.

— Здесь к Мерсеру? — спросил я у женщины, стоявшей у соседних ворот.

— Если вдоль забора — да. За мусорными баками направо.

Я уже поднял свой пакет с обгоревшими вещами. Джесс в это время нажала кнопку закрывания подъёмника. Площадка приподнялась и остановилась. Она отпустила кнопку, попробовала ещё раз. Послышался короткий щелчок.

Оуэн сразу вернулся.

— Опять?

— Опять. Но руками его складывать не будем. Пальцы мне ещё нужны.

Он сел на корточки, открыл маленькую боковую крышку и заглянул внутрь. Джесс стояла над ним, придерживая кабель.

— Мне можно пешком, — сказал я.

Она посмотрела на пакет в моей руке.

— Можно.

Это прозвучало совершенно спокойно. Никто не требовал остаться, никто не напоминал о благодарности. Я видел дорогу к Дэну и видел женщину в машине, которая прижимала к груди синюю сумку, уже не способная решить, куда её поставить.

— Что держать? — спросил я у Оуэна.

Он даже не поднял головы.

— Свет.

Джесс отдала мне фонарик и ушла к пассажирам.

Я светил в тесное пространство за крышкой. Оуэн проверил соединение, осторожно потянул провод и показал мне место, где оболочку придавило краем кожуха.

— Это после удара. Там крепление съехало.

Он отключил узел, вывел провод из зажима, закрепил его в стороне и поправил кронштейн. Я держал свет, придерживал крышку и приносил то, что он называл. В какой-то момент поймал себя на том, что жду от него чуда. Парень просто работал отвёрткой и время от времени просил меня не загоразивать.

— Ты у неё работаешь? — спросил я.

— Сегодня — да.

— А вчера?

— В мастерской на южной стороне. Чинили электрику на погрузчиках.

— И как там?

Он перестал крутить винт.

— Пока не знаю. Я ночью отсюда выбрался. Утром встретил Джесс.

Я больше не спрашивал. По его руке было видно, что винт он уже затянул, но ещё несколько секунд держался за отвёртку.

Джесс вернулась с телефоном у уха. Слушала, щурясь от солнца.

— Нет, Уокер. Томас. Он с дочерью должен быть, Клэр. Да, я знаю, что у вас много людей. Я не прошу искать по всему городу, только в том списке, который перед вами.

Она отвернулась. Оуэн поднял глаза на меня, потом снова занялся крышкой. Мы сделали вид, что разговора не слышим, хотя он происходил в двух шагах.

— Вчера вечером она была у него, — сказала Джесс. — Он сам далеко не уйдёт. Я обычно... Да. Запишите мой номер.

Она закончила разговор и положила телефон в нагрудный карман.

— Родственники? — спросил я.

— Пассажиры.

Оуэн нажал кнопку. Подъёмник плавно сложился, встал на место и затих. Джесс потрогала край площадки, посмотрела на парня и выдохнула.

— Спасибо.

— Не бей этим углом больше.

— Постараюсь выбирать другие.

Он улыбнулся. Улыбка заметно меняла его лицо: он казался младше и одновременно увереннее, словно наконец вернулся туда, где понимал правила.

Я помог закрыть двери. На кузове возле ручки остался длинный белый след. Под ним читалось старое название компании, закрашенное серой полосой.

— Бывшая служебная? — спросил я.

— Бывшая чужая, — сказала Джесс. — Теперь почти моя.

— Почти?

— Банк ещё не согласился, что я достаточно старалась.

Она провела пальцем по царапине, достала из кармана засохший кусочек краски и бросила на ладонь.

— Полгода выбирала. Проверяла подъёмник, днище,

отопление сзади. Теперь посмотри, как мы познакомились.

— Днище пока целое.

— Очень утешил.

Она открыла водительскую дверь и показала на свободное переднее место. Оуэн уже сидел сзади возле сложенного подъёмника, зажав инструментальную сумку ногами.

Я поднялся в кабину. На панели стояла дощечка с зажимом; под ним лежало несколько листов с адресами. Края бумаги были затёрты, поверх одного имени приклеен маленький жёлтый квадрат. На нём от руки было написано: «Звонить за пять минут».

— Уокеры? — спросил я, увидев фамилию на верхнем листе.

Джесс посмотрела, куда я смотрю.

— Томас не любит ждать на улице. А если приехать раньше, выходит и начинает ждать на улице. Поэтому я звоню.

Она завела двигатель. На секунду в кабине стало почти уютно: ровный шум мотора, запах старого кофе, тёплая панель под ладонью. Потом мы выехали за угол, и улица снова оказалась чужой.

У погрузочного прохода соседнего склада сидела пожилая женщина с ходунками. Её обувь стояла отдельно на картонке. Взрослый мужчина в жёлтой нейлоновой куртке спорил с кем-то за воротами и оборачивался к ней после каждой реплики.

Джесс притормозила.

— За вами едут?

Мужчина подошёл к окну.

— Сказали, машина со стороны путей. Когда разберут там.

— У меня сейчас полная. Я передам, что вы здесь.

— Мы не одни. Там ещё люди, под навесом.

Он указал вглубь прохода. Под широкой рифлёной крышей виднелись стулья, детская коляска и две большие хозяйственные тележки. С другой стороны проход упирался в завал. Люди выбрали оставшуюся тень и ждали.

Женщина с ходунками подняла ладонь. Джесс помахала ей в ответ и записала что-то на нижнем краю своего листа.

— Здесь раньше сквозной был, — сказал я.

— Был, — ответил мужчина.

Мы поехали дальше.

До мастерской оставалось меньше квартала. Я уже узнал заднюю стену, на которой мы с Дэном три года назад красили стрелку к воротам. Стрелка сохранилась. За ней пропал кусок здания.

Джесс увидела это одновременно со мной и остановилась.

Въезд со стороны прачечной был закрыт. Высокая створка ворот сошла с верхней петли и легла на бетонный ограничитель. Соседняя стойка наклонилась над узким техническим проходом. Через щель было видно двор, но человеку приходилось бы боком протискиваться между металлом и стеной. О кресле на колёсах речи не шло.

— Полчаса назад проехали, — сказала Джесс.

— Кто?

— Мужчина из соседнего дома. Я его спрашивала.

Оуэн вышел, осмотрел ворота с расстояния и вернулся за инструментами. Я ещё сидел, глядя на знакомую стену. Где-то совсем рядом стукнуло железо. Потом раздался голос, слишком далёкий, чтобы разобрать слова.

Я узнал его раньше, чем оказался на земле.

— Дэн! — крикнул я.

Внутри продолжали стучать. Ответа не было.

Джесс поставила фургон подальше от стойки, велела пассажирам оставаться на местах и подошла ко мне.

— Через эту щель я их не поведу.

— Знаю.

Я достал пакет с ключами, переложил его под сиденье, где он никому не мешал, и взял у Оуэна второй лом.

05. Две ладони

Оуэн положил лом на землю.

— Сначала подопрём, — сказал он.

Я тоже положил свой. Сразу лезть под ворота было бы плохой идеей даже в тот день, когда ничего не взрывается без причины.

Створка держалась нижним краем на бетонном ограничителе. Верхняя петля вырвала из стойки полосу металла, но сама стойка ещё стояла. Через щель можно было просунуть руку, дальше лежала груда кирпичей. С другой стороны кто-то пытался оттащить их короткой лопатой.

— Эй! — позвал я. — Не подлезай туда!

Лопата исчезла.

— Я и не лезу!

Это был не Дэн. У щели показалось лицо незнакомого человека в пыльных очках.

— У вас домкрат есть? — спросил я.

— Есть. А что?

— Принеси. И пару целых брусков. Мы отсюда попробуем.

Он посмотрел на створку, на меня и ушёл. Джесс попросила его заодно передать Мерсеру, что привезла людей. Он поднял руку, не оборачиваясь.

— Через другие ворота никак? — спросил Оуэн.

— Вокруг надо. По верхней улице завал, с нижней стороны жарит. Я там была утром, — ответила Джесс.

Она повернулась к машине. Пассажиры смотрели через стекло. Мужчина в белой кепке приподнялся, пытаясь увидеть больше, и Джесс жестом велела ему сесть. Он сел, но обиженно поправил козырёк.

По другую сторону стойки оставался кусок старой кладки — низкий, почти квадратный, обрубленный сверху. Когда-то он примыкал к маленькому пристрою, который снесли ещё до аренды Дэна. Между ним и воротами был узкий промежуток, забитый сухими листьями. Я помнил это место по сигаретам: люди выходили курить, ставили сюда стаканы и потом жаловались, что кофе полный пепла.

Я встал рядом, прикидывая, как завести подпорку. Откуда-то справа тянуло горячим воздухом. Не постоянно: ветерок доходил и пропадал, хотя на открытом месте было прохладно.

— Машину дальше, — сказал я.

Джесс посмотрела туда же и без вопросов вернулась за руль.

С той стороны принесли домкрат и две толстые деревянные прокладки. Оуэн принял их через щель. Мы поставили домкрат так, чтобы только снять нагрузку с края створки; удерживать всю конструкцию он не мог. Ещё двое людей во дворе взялись за верёвку, переброшенную вверх. Я объяснил, куда отойти, и проверил, что никто не стоит под желе-

ЗОМ.

— Поднимем чуть-чуть. Потом подложим.

Оуэн начал качать рукоятку. Металл закрипел. Я придер-живал створку сбоку ломом, следя за нижним краем. Вес был понятный, обычный: несколько человек могли сдвинуть его, если не торопиться.

Потом с правой стороны ударило так, будто за стеной ур-нили пустой контейнер.

Я увидел, как полоска грязи на стойке дёрнулась вверх. Не сама грязь — вся стойка. Верхний обрывок петли хлопнул по металлу, верёвка натянулась и вылетела у кого-то из рук. Я отступил, задел ногой домкрат и автоматически схватился правой ладонью за стойку.

Левую положил на кладку, чтобы не упасть.

Толчок дошёл до плеча, и на миг я решил, что рука вывер-нулась. Потом он исчез. Нет, не исчез: по левой ладони про-шло жёсткое дрожание, словно я держал работающую шлиф-машину голой рукой. В старой кладке под пальцами щёлк-нуло. Между кирпичами появилась светлая полоса.

Стойка качнулась назад.

Я всё ещё стоял между ней и кладкой. Лом лежал у ног. Оуэн отступил на несколько шагов, прикрывая лицо локтем. Из фургона кричала Джесс, но слов я не разобрал.

Правую ладонь обожгло. Я убрал её и сразу почувствовал, что стойка снова движется. Она не падала быстро, просто возвращалась туда, куда тянул вес ворот. Слева осыпалась

кирпичная крошка.

— Подпорку! — крикнул я.

Оуэн подхватил брусок. Я забрал лом и снова упёрся им в створку, теперь уже из безопасного угла. С той стороны натянули верёвку. Дерево легло под край, скрипнуло и выдержало. Мы поставили вторую прокладку. Только после этого я отошёл.

Джесс подбежала к нам.

— Целы?

Я посмотрел на руки. На правой осталась грязная красная полоса от стойки. Левая была в известковой пыли.

— Кажется.

Она взяла меня за запястье и перевернула ладонь к свету.

— Ты её держал?

— За неё держался.

— Я видела, как она пошла на тебя.

Оуэн стоял возле кладки. Не касался, только смотрел на трещину. Она прошла от верхнего края до второго ряда кирпичей, а внизу раскрылась ступенькой. С тыльной стороны валялся свежий осколок. Там никого не было — тупик между старым фундаментом и сетчатым ограждением.

Я вспомнил дуб. Горячую землю. Собственные пальцы на корне.

— Надо отойти, — сказал я.

Это было первое разумное, что пришло в голову, и все почему-то послушались меня так быстро, будто я понял гораз-

до больше.

Мы ушли к фургону, который Джесс поставила за углом кирпичного здания. Оттуда ворота были видны, но прямая линия с горячим проходом закрывалась стеной. Люди во дворе тоже отошли. Несколько минут ничего не происходило.

Я сел на бордюр. Тело опять начало дрожать, теперь мелко и неприятно. Джесс достала воду, открыла бутылку и подала мне. Я попытался взять её уверенно, сжал слишком сильно и пролил на колено.

— У меня сегодня с водой сложные отношения, — сказал я.

Она присела рядом.

— Ты откуда пришёл?

— Из пункта помощи. До него — из парка.

— Из какого парка?

Я показал наверх, хотя за зданиями ничего нельзя было увидеть.

— Старого. Вчера вечером там был.

Оуэн подошёл ближе.

— Под вспышкой?

Я кивнул.

Он присел на корточки передо мной, вытянув руки между коленями. На манжете куртки было небольшое чёрное пятно.

— Со мной тоже кое-что было, — сказал он.

Я перестал вертеть бутылку.

Оуэн рассказал про дверь в подвальном выходе. Ночью людей прижало за ней обвалившейся лестницей. Он стоял внизу, упирался в дверную раму, а второй рукой держался за бетонную стойку. Сверху упало что-то тяжёлое. Рама должна была вылететь вместе с ним. Вместо этого откололся угол бетонной стойки, и люди смогли пролезть.

— Я думал, лестница уже раньше её разбила, — сказал он. — Но там след от моей руки. В пыли. И как раз под ним треснуло.

— Ты не обгорел?

— Пальто на мне подпалило. Руку тоже. Немного.

Он показал небольшой участок у запястья. Джесс наклонилась посмотреть.

— Я ведь спрашивала, откуда это.

— Сказал же: дверь открывал.

— Очень точный рассказ.

Оуэн опустил рукав.

Мне захотелось снова подойти к кладке. Я даже привстал, но Джесс положила ладонь на моё плечо.

— Сначала допей.

— Я просто посмотрю.

— Смотреть можно отсюда.

Она не имела представления, что происходит. Я тоже. Разница была в том, что ей нужно было довести четырёх людей, а мне вдруг оказалось мало дойти до Дэна.

Мы ждали. Через какое-то время в правом проходе раздался короткий треск. На стене напротив шевельнулась рваная пластиковая плёнка. Стойка ворот вздрогнула, но наши подпорки удержались. Я почувствовал горячий воздух даже за углом, хотя гораздо слабее.

Оуэн посмотрел на меня.

— Оно повторяется.

— Не через одинаковое время, — сказала Джесс. — Пока мы возились с машиной, я этого не слышала.

Я попытался восстановить, как лежали руки. Правая на металле, левая на кирпиче. На секунду вспомнил женщину в спортивном зале, чьи ступни поставили на пластиковый ящик, и чёрный кусок железа рядом с ней. Рут спрашивала, чего я касался. Значит, я был не первым, кому этот вопрос стоило задать.

— Врач должна это увидеть, — сказал я.

— Согласна.

— Но сперва нам пройти надо.

Джесс повернулась к пассажирам. Худой мужчина уже прислонился головой к стеклу. Женщина с птицей обмахивала клетку сложенной бумагой, хотя в машине не было жарко. Она просто должна была что-то делать руками.

— Пройти — да. Проверять на них — нет.

Я посмотрел на ворота. Подпорки стояли. Если подтянуть створку со двора, можно было освободить проход и завести фургон. Места хватало; мешал угол, заклинивший меж-

ду стойкой и ограничителем. При каждом новом толчке его могло снова загнать туда.

— Пусть пока остаются здесь. Мы закончим, когда будет тихо.

Оуэн поднялся.

Джесс попросила женщину со спортивной сумкой следить за дверью фургона и никого не выпускать к воротам. Потом подошла к человеку за щелью и коротко объяснила, что мы заметили. Тот сначала посмотрел на неё, затем на нас. Спорить он не стал. Позвал ещё одного помощника, и они встали у верёвки дальше от железа.

Я осмотрел кладку с обратной стороны. Она была отдельной, ни с чем не соединённой сверху. За ней — пустой кусок земли, несколько бутылочных крышек, старое колесо без шины. Трещина не проходила насквозь, но верхний кирпич теперь качался. Я снял его и положил на землю, подальше от ног.

— Сюда больше не надо, — сказал Оуэн.

— Согласен.

Возле внешнего края проезда стоял массивный бетонный блок — второй ограничитель, давно потерявший смысл. Он был цельным, широким, с потёртыми углами. От ворот его отделяли несколько шагов. Я мог дотянуться до него, только если держался не за стойку, а за нижнюю стальную связь, ещё соединявшую её с рамой.

Нам не пришлось снова подходить к горячему месту. Мы

переставили инструмент с наружной стороны, вытянули ломом заклинивший угол и подтянули створку верёвкой. Работа шла медленно. Я всё время ждал нового удара, от этого слишком рано напрягал плечи и быстрее уставал.

Когда угол освободился, створка коротко спружинила. Я стоял у связи, ладонью на металле, другой рукой придерживая бетонный блок. Почувствовал толчок, но слабее прежнего. Под левой ладонью хрустнула тонкая корочка. На блоке появилась свежая царапина, будто кто-то отковырнул поверхность зубилом.

Я отнял обе руки.

Створка продолжала висеть на верёвке и подпорках. Ничего не поднялось, не зависло в воздухе. Бетон оставался бетоном, и я чувствовал себя человеком, который слишком долго носил тяжёлые ящики. Только небольшой кусок поверхности блока лежал у моих ног, хотя туда ничто не ударило.

Оуэн присел возле него.

— Туда уходит?

— Похоже.

— А если ни за что не держаться?

Я показал на воротную стойку.

— Давай сегодня не узнавать.

Он покивал, совсем серьёзно, и взялся за инструмент.

Осталось закрепить створку открытой. Мы оттянули её к стене, пропустили верёвку через старую проушину и под-

ложили бруски так, чтобы она не вернулась поперёк дороги. Потом долго убирали кирпичи. Вот здесь никакой новой способности у меня не обнаружилось. Кирпичи приходилось брать, нести и складывать. Согнуться было больно, подняться ещё сильнее.

Оуэн работал быстрее. Он расчистил узкий проход у стойки, остановился и осторожно положил ладонь на металлическую связь. Другой рукой дотронулся до блока.

— Не надо, — начал я.

Удар пришёл раньше, чем я договорил. Сухой, короткий, со стороны соседнего двора. Мы оба дёрнулись. По раме прошёл звон. На бетоне у Оуэновой руки выкрашилась ещё одна полоска.

Он удержался. Даже успел посмотреть на меня с изумлённой улыбкой.

Потом горячий воздух ударил следом, и улыбка исчезла.

Оуэн резко оторвал руку от металла, отступил, едва не наступив на кирпич. Я поймал его за куртку. Он согнулся, зажав ладонь под мышкой, и втянул воздух сквозь зубы.

— Обжёг?

Он кивнул, потом мотнул головой, пытаясь объяснить разницу, которой сам ещё не понимал.

— Слишком... Сразу слишком.

Джесс уже была рядом. Мы отвели его за угол, к воде и людям. Он не терял сознания, говорил связно, злился, когда мы пытались усадить его вдвоём. На ладони проступи-

ла краснота. Моя ладонь ещё недавно касалась той же части конструкции, и я чувствовал только слабое жжение.

Это не делало меня смелее. Я посмотрел на свои руки и впервые ясно подумал, что в следующий раз могу узнать о пределе так же быстро, как Оуэн.

— За железо больше не держись, — сказала Джесс.

— За горячее, — поправил он.

— Сейчас всё железо для тебя горячее.

Он не спорил. Сел на бордюр и протянул ей руку.

Мы переждали ещё немного. Затем я вместе с людьми из двора проверил крепление открытой створки обычным ломом. Она не качалась. Домкрат убрали, бруски остались на месте. Никто больше не собирался держать ворота телом.

Джесс завела фургон. Я пошёл перед машиной, показывая, где лежали острые обломки. Колёса медленно прошли между стеной и неподвижной створкой. Пассажиры смотрели наружу, мужчина в кресле поднял большой палец. Я ответил тем же и вдруг рассмеялся.

Джесс высунулась из окна.

— Что?

— Ничего.

Я не мог объяснить ей, насколько хорошо мне стало в эту секунду. Боль никуда не ушла, руки дрожали, в животе было пусто. Но ворота открылись. Я что-то сделал с ударом, который должен был меня сбить, и стоял на ногах.

Дэн обязан был это увидеть.

Я забрал свой пакет из-под переднего сиденья, подождал Оуэна и вместе с ним вошёл во двор.

0

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.